

Сперанская А. Н. Монтажные реплики в рассказах ангарцев как композиционная особенность устного нарратива / А. Н. Сперанская // Научный диалог. — 2018. — № 4. — С. 147—159. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-147-159.

Speranskaya, A. N. (2018). Mounting Replicas in Stories of Angara Area Residents as Compositional Feature of Oral Narrative. *Nauchnyy dialog*, 4: 147-159. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-147-159. (In Russ.).

УДК 811.161.1'282.2(282.256.34)

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-147-159

Монтажные реплики в рассказах ангарцев как композиционная особенность устного нарратива¹

© Сперанская Алевтина Николаевна (2018), orcid.org/0000-0002-0712-1337, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия), alsperanskaya@yandex.ru.

Впервые рассмотрен композиционный прием, который регулярно встречается в устных рассказах (нарративах) ангарцев, уроженцев и жителей мест реки Ангара, — вставные реплики, которые по сути являются свернутыми темами (микротемами). Отмечается, что вставки имеют законченную композицию. Утверждается, что появление таких речевых конструкций обусловлено большой значимостью обозначаемого ими содержания для рассказчика. Автор определяет структуру нарратива как относительно произвольную: вставные реплики появляются в том месте нарратива, которое кажется говорящему уместным. Наличие подобных микротематических вставок позволило автору статьи предположить, что информант, рассказывая об одном событии или периоде своей жизни, одновременно подразумевает общую картину повествования. Например, как показал анализ собранного материала, появление вставных реплик о смерти родственников (своеобразных свернутых «текстов смерти») диктуется не логикой и темой беседы, а метакоммуникативной задачей говорящего. Рассказчик как будто выполняет обязательное маркирование главных этапов жизненного цикла человека: рождение — проживание — смерть. Автор статьи называет содержание таких реплик микрогенеалогией, так как они представляют собой краткое упоминание о всех членах семьи, рода.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 17-14-24008.

Ключевые слова: нарратив; ангарский словарь; вставные реплики; устный рассказ; генеалогия.

1. Введение

Реальные звучащие тексты носителей языка стали объектом внимания отечественного языкознания во второй половине XX века. В качестве объекта изучения выступала как разговорная речь горожан (работы Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Н. Ю. Шведовой, Е. В. Красильниковой, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, В. К. Харченко и др.), так и речь носителей диалекта (работы В. Е. Гольдина, Е. В. Иванцовой, Т. А. Демешкиной, О. И. Блиновой, Е. В. Прокофьевой и др. См. обзор работ [Ильина, 2015]). Вопрос, важный для данного исследования, находится не в сфере изучения грамматического инструментария и не в области вопросов отражения в текстах бытовых представлений и возможности их экспликации. Исследование посвящено анализу одной композиционной особенности устных повествований. Работа выполнена на материале устных рассказов (нарративов) ангарцев, уроженцев и жителей мест реки Ангара. Систематическое диалектологическое обследование Северного Приангарья проводилось преподавателями кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета с 2012 года. Материалы собраны в результате диалектологических практик и реализации проекта «Ангарский словарь» (О. В. Фельде, Э. А. Астраханцева, В. Б. Вараксина и др.). Создан Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный текстовый корпус ...].

2. О термине *нарратив*

Термин *нарратив* в современном гуманитарном знании понимается по-разному. Существует несколько научных традиций его употребления. Приведем цитату из работы, в которой приведен обзор возможных смыслов: «Под нарративом понимают: одну из форм дискурса, образующую особый “нарративный” модус мышления; общую метатеоретическую парадигму; жизненную историю как основу идентичности человека в модернистском обществе; схему организации опыта, определенным образом структурированную; любое письменное или устное повествование; повествование о конкретном эпизоде, событии в жизни человека (один из жанров дискурса)» [Кутковая, 2014, с. 26]. В своей работе мы понимаем нарратив «как текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что *история, рассказ, повествование*» [Шейгал, 2007, с. 86]. Сущностной характе-

ристикой нарратива является наличие жизненного опыта (см. определение, сформулированное В. Лабовым: нарратив — «один из способов реперезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, которые передают временную последовательность событий» [цит. по: Троцук, 2004, с. 62]). Таким образом, нарратив может быть соотнесен с устным рассказом, в котором автор передает события окружающей его действительности через призму личного понимания: «Нарратив в современном понимании — это повествование, закрепляющее опыт познающего субъекта в форме дискурса. Суть нарративного высказывания заключается в сопряжении излагаемых событий, между которыми устанавливается причинно-следственная связь» [Харченко и др., 2013, с. 12—13].

3. Постановка проблемы

Нарратив связан с жизненным опытом рассказчика и отражает его повествовательные возможности. Можно было бы говорить о бесконечном многообразии языкового воплощения и о бесконечной вариативности тем и сюжетов, однако это не соответствует действительности. Жизнь человека может быть типизирована. Существуют инвариантные события и темы нарратива. При этом структура нарратива относительно произвольна, события раясказчик излагает в соответствии со своими представлениями о связанности микротем в рассказе. И хотя при сборе подобного материала темы могут задаваться вопросом собирателя, разворачивает эти темы информант в соответствии со своими соображениями.

При анализе бесед с ангарцами отчетливо видны два способа компоновки нарратива. Первый способ предполагает цельность, то есть относительно стройное изложение одного сюжета или разворачивание одной темы. Например, на вопрос собирателя: — *А у вас братья или сестры были?* — информант отвечает: — *По отцу. Два брата и четыре сестры. Ну, они с одной матерью с одним отцом прожили. А я один. Мой отец с моей матерью в дружбе дружили и надружили меня. С отцом не общался. Ничего он не помогал. И у меня душа к нему не ложилась. Я раз помню... Пацаном ещё был, ну из кожи чирки зашить, а сам, ещё капошный (малолетний), а мать мне: «Иди к отцу, попроси, пусть он тебе сошьёт». А он на участке был, на посевной. Я пошёл с чирками с этими, ну, подхожу так, тоже маленько есть... стесняюсь просить-то его. А там один, Федот: «Кондрашка! Ты видишь, что сына-то у тебя с чиркам пришёл, чтоб ты ему шил». «А он не мой, он выб...к!». А меня это сразу... Даром, что маленький был, сразу порезало. Бросился со слезами, заплакал. Прихожу домой. Мать говорит: «Чё такое?» Я говорю: «Он меня выб...м назвал».*

Ну, она там чё-то ругалась. Кого наругалась, не знаю. Ну вот, даром что капошный был, а соображать стал. Так что я его не знал. Под старость лет, как он уж заболел, я работяга стал, немножко он ко мне, а у меня душа не лежит. И хоронить я не ездил. Он умер, меня звали, я не поехал, не поворачивала душа (Рукоусев С. К., 1930 г. р., с. Заледеево, 2012 г.).

Перед нами сюжетное повествование, случай из жизни, композиционная структура которого подчинена одной цели — рассказать о событии. Чаще всего рассказчик на коротком отрезке времени придерживается начатой им темы. Структура рассказа имеет традиционную композицию: зачин, разворачивание сюжета, концовка.

Но цельная компоновка нарратива не обязательно связана с сюжетом. Можно привести множество «бессюжетных» текстов, в которых тем не менее присутствует тематическая цельность и соответственно композиционная цельность: — *Я пошла работать в 15 лет. Война уже начался. В сорок первом году война началась, а я в сорок втором на работу пошла работать. 15 лет мне было. Вся колхозная работа была, вся работа колхозная. Подошла посявна, стали пахать на конях, боронили, сеяли хлеб, а потом подошёл сенокос, сенокос убирали, убирали сенокос. Потом жнитво подошло. Стали хлеб убирать, жали, вязали, на молотилке молотили, сортировали хлеб на сортировке. Всё это вручную. Не было комбайнов. Тракторов не было у нас, ничё вообще. Всё вручную делали. Ну а потом уже и на скоте работала. И свинаркой работала. И телятницей работала, на больших телятах. На быках ходила, ходила за быками и за маленькими теляточками ходила. Ну, такие разные работы всё были. Куда отправят, туда и шли. Вся работа колхозная* (Захряпина (Панова) З. А., 1926 г. р., г. Кодинск, 2015 г.).

Второй тип композиционной компоновки тем можно назвать «монтажным»: рассказчик в основной сюжет вставляет попутную тему, сюжетное замечание. Происходит это потому, что автор повествования может комбинировать события своей жизни. Он использует своеобразный монтаж, «осуществляя неожиданные перебросы в пространстве и времени, варьируя крупность плана, сжимая или растягивая время» [Мартынова, 2002, с. 13]. Это, как пишет И. В. Шалина, «позволяет динамизировать описываемое пространство, укрупнить и подчеркнуть существенное, психологически важное, запомнившееся...» [Шалина, 2009, с. 14].

4. Реализация монтажных реплик в ангарском нарративе

Примером реализации «монтажного мышления» могут служить следующие тексты:

— *Вот про Ньюру вам послушать интересно будет. Она прожила, она моложе, правда, нас. Судьба-то досталась, ой-ё-ё. У ней муж утонул. Ехали по Ангаре там, в деревню-то в Усольцево, с концертом, с учениками ехали, учеников повезли с концертом. Там дочь моя была тогда. Машина вперёд-то проехала, до Усольцева, там концерт-то поставили, обратно поехали. А там ещё один мужик наклал ещё зерна, они вперёд ехали, трещину дала, наверно, ну река, не сильно, лёд ещё не толстый был, ещё с осени. Седьмого ездили. Раньше-то делали праздники-то. Поздравляли, выступали. Седьмого-то ноября всегда уже праздник был. У нас там, в Паново, тоже был. Майские ворота были сделаны большие возле дороги, и трибуна была. Первого мая поздравляли, напишут плакаты. И потом седьмого ноября. И вот поехали с концертом. Обратно поехали, и машина-то у них осяла, ушла под воду. Ушла на дно. У ней этот муж был шофёром в машине. А аксёновская девка тоже, была в Аксёново ученица, с парнем дружила, он сидел в кабине, вышел: садися ты в кабину. Девку ту посадил в кабину, девка-та тоже утонула в кабине, как вытащили. С шофёром вместе. Вот у неё осталось пятеро. Детей она поднимала (Черкушева З. А., 1926 г. р., г. Кодинск, 2012 г).*

Появление «монтажной» реплики (она выделена полужирным курсивом) объяснимо желанием рассказчика сделать историческое отступление о праздновании 1 Мая и 7 ноября. Переброс во времени в данном повествовании выглядит логичным и психологически обоснованным.

Рассмотрим другой пример:

— *Я так работала. У нас дед такой был и родители у меня были. Ну колхоз же был... куда деваться-то, надо было. А потом их на фронт забрали, я тада уже **на возжсах боронила**. Вот этой борноволок. Пахарь у нас, паишут... плуг, а мы за ним, за плугом этим бороним. Вот две лошади, нас вот две девочки было. Одна немка. У нас немцев же много пригоняли тоже. И вот мы с ней боронили. А лошади-то падают, не идут, кормить-то тоже подьезным-то нечем. Вот мы прутиками, а рябята-то чё... Они бичи делают, подойдут: «Да давайте, мы вам хоть по бичу сделаем». А мы прутиками, а они у нас идут-идут да и станут. Вот. А в бороны попадёт вот такая коряга... Ой чё делать? Бороны не можем поднять, останавливаем, а чё, нам по двенадцать лет, мы бороны всё равно вытаскиваем... Ну куды деваться-то. А мать моя, **она у нас была такая работяга**. Нас четверо, и деды хоть маленько помогают, но всё равно за ними уход надо же. Вот. А она всегда работала у нас, конюшила. Вот этих коней-то кормит, тама-ко долбит, тоже нечем кормить. Солому запаривает, чтоб потом покормить, чтоб они хоть борону таскали, не на*

сухую таскали. Трудно было, родная (Мухачова Е. А., 1931 г. р., г. Козинск, 2015 г.).

В данном нарративе появление вставки обусловлено не композиционной необходимостью, а желанием рассказчика «укрупнить» одну деталь — характеристику матери. Эта реплика встраивается в общее повествование о работе.

Приведем еще один пример с «монтажной» репликой:

— *Скажите, пожалуйста, Валентина Прокопьевна, у вас папа был на войне?*

— *Он был. Отец у нас был на войне, но он пришёл с войны... Я же в сороковом году родилась... А уже я вот помню, уже я ходила. **И он принёс конфеточки какие-то так ледышечки, ледянчики конфеточки, чё там ещё принёс, не помню. И главное дело — это сёстры говорили...** Ну и всё, он даже хотел от нас уйти. А нас пять человек у мамы. Пять человек, сама шестая и мать седьмая. Вот они всю войну вот так вот жили.* (Писарева В. П., 1940 г. р., п. Мотыгино, 2016 г.).

В данном повествовании выделенная вставная реплика кажется кинематографичной. Автор концентрирует своё и наше внимание на детали, которая становится существенной. И неслучайно приведенные нарративы содержат вставные реплики о родителях. Нам кажется, что семейная тема чаще всего вынуждает рассказчика обращаться к монтажным репликам-вставкам.

5. Темы монтажных реплик в семейном нарративе

На наш взгляд, рассказ о семье — главный нарратив. Наша гипотеза заключается в предположении, что информант, рассказывая об одном событии или периоде своей жизни, имеет представление об общем континуме повествования, поэтому монтажная реплика, задающая новую тему, является для говорящего логичной частью некоторого подразумеваемого цельного рассказа о себе. Частью, которая вербализовалась здесь и сейчас, порой неожиданно для слушающего. Подобные вставки маркируют главные события жизненного цикла человека. Они могут быть развернуты в отдельный сюжет, а могут присутствовать в нарративе в виде сюжетной реплики.

Рассказ о семье рассчитан на слушателя, «внешнего» по отношению к семье, на наблюдателя. Автобиографический, или генеалогический, нарратив создает образ семьи «для другого» [Разумова, 2001, с. 11]. Как показывает опыт, такой нарратив охотно воспроизводится рассказчиком: человек любит рассказывать о себе и объективизировать собственный

опыт. Информант охотнее всего говорит о том, что он хорошо знает, а при нормальном течении жизни хорошо он знает жизнь своей семьи, в которой он был и свидетель, и участник. Опыт проживания в своей семье не может не высказаться, даже если информант занят в данный момент времени рассказом о чем-либо другом.

«Монтажные» вставки встречаются далеко не всегда. Зададимся вопросом: какие элементы смысла немотивированно для слушающего проявляются в нарративе. Рассмотрим следующий пример. Информанта спрашивают:

— *Вы жили с детства здесь?*

В ответ рассказчик говорит:

— *Ну да, у меня **родители**, да, но их уже давно нету, отца уже двадцать три года нет, а мамы уже четырнадцать лет нет* (Заборцева Г. А., 1951 г. р., с. Богучаны, 2017 г.). В реплике видна своя внутренняя логика мысли говорящего: для него тема места жительства связана с родителями. Рассказчик не начинает «свой собственный нарратив»: да, я живу здесь с детства. Для информанта очевидно, что он является частью своей семьи и живет здесь потому, что здесь жили его родители, которые — о чем считает необходимым сказать говорящий — уже умерли.

Обратим внимание на такую особенность разговорного дискурса ангарцев, как склонность упоминать о смерти родственников. Очень часто рассказчик, называя в ходе беседы кого-либо из членов семьи, добавляет: *он / она уже умерла; умер(ла) во столько-то лет* или *умер(ла) в таком-то году*, и затем нередко сообщает причину смерти, например: *утонул*. Отмечают ангарцы и продолжительность жизни родственника. Отметим, что ничем внешним, например, вопросом собирателя, такое замечание не каузировано. Ангарский рассказчик как будто должен заполнить все ячейки некоторой схемы — жизненного цикла: рождение — проживание — смерть:

— *А это мама вот моя. Вся уже грязна <фотография>. Вот она овдовела... <...> Вот она **девяносто пять лет прожила**.*

— *Как её звали?*

— *Зоя Николаевна. Всю жись просидела в Доске почета. Труженица была. Вот у нас ветеран тыла мама, ветеран тыла мой дед, ветеран тыла сестра, **умерла**, и ветеран тыла брат, **умер*** (Бронникова А. П., 1932 г. р., с. Рыбное, 2016 г.).

Другой пример нарратива — о раскулачивании семьи:

— *Там она <мама> и родилась, там она и выросла, там и раскулачили их. Оставили телегу да коня. И вот привезли на телеге брата старшего, вот, **он умер полгода как*** (Бронникова А. П., 1932 г. р., с. Рыбное, 2016 г.).

Достаточно развернутая монтажная реплика-вставка в нарративе о колчаковцах:

— *Бабушка что-нибудь рассказывала про Колчака, когда он стоял?*

— *Да, они стояли. Армия прямо целая стояла в Пинчуге. Ну как вот пишут, что они дебоширы какие <были>, издевались ними. Бабушка говорит, вот такого не было. У меня бабушка умерла, ей девяносто шесть лет уже было. Её тоже уже нету. Папы двадцать три, а её, наверно, лет двадцать шесть как нет. Вот. Она долгую жизнь прожила, девяносто шесть лет. И вот она всегда рассказывала, говорит, люди хорошие были, воспитанные такие, грамотные, говорит, были* (Заборцева Г. А., 1951 г. р., с. Богучаны, 2017 г.).

Как пишет И. А. Разумова, со смертью родственников всегда связаны сильные эмоциональные переживания. Тема смерти наделена повышенной семиотичностью в семейном дискурсе, поэтому «текст смерти» в семейной традиции занимает одно из первостепенных мест» [Разумова, 2001, с 50]. Анализируя ангарские диалектные записи, можно прийти к несомненному выводу, что вставки-реплики о смерти являются своеобразными свёрнутыми «текстами смерти», присутствие которых в нарративе диктуется не логикой разворачивания конкретной коммуникации, а метакоммуникативной задачей.

Отметим, что другой важной темой для многих информантов является тема войны, о чем говорит ее появление в монтажных репликах. Например, вопрос о месте жительства вызвал следующую реплику информанта:

— *Лукерия Венедиктовна, скажите, пожалуйста, где вы родились?*

— *Я родилась в Белоруссии, в Гомельской области, Ветковский район, деревня Косицкая в тридцать седьмом году, вот. В конце четырёх лет началась война. Я майская, восемнадцатого мая, а война четвёртого июня, по-моему, так и началась. Или двадцать второго... Двадцать второго июня! Вот мне, ну почти два месяца, пошёл на пятый год, как началась война* (Зайцева Л. В., 1937 г. р., п. Мотыгино, 2016 г.).

В нарративах есть предсказуемые места появления реплик-вставок о родителях. Например, отвечая на вопрос об имени / фамилии информанта, рассказчик почти всегда делает отсылку к фамилиям родителей:

— *Зовут меня Галина.*

— *Отчество и фамилия?*

— *Галина Александровна. Заборцева фамилия. Ну, фамилия была у мамы Брюханова, у папы была Заборцев* (Заборцева Г. А., 1951 г. р., с. Богучаны, 2017 г.).

В подобных случаях упоминание о родителях вызвано тем, что рассказчик осознает себя частью семейной цепочки, семьи как коллектива. Он может характеризоваться разрозненностью (если семья распалась) или сплоченностью, но всё же носитель традиционной культуры будет строить свою речь, подразумевая не «я», а «мы».

Второй темой, казулирующей монтажные реплики о родителях, является тема детства. Чаще всего разворачивание нарратива о детстве информанта происходит двумя возможными путями: рассказчик начинает говорить о ярких эпизодах из детской жизни (первый композиционный прием) либо давать своеобразную панораму «тогдашней» жизни, когда информант был ребенком (второй прием). Но есть случаи, когда информант начинает говорить о родителях. Приведём пример такого относительно законченного микрорассказа, который посвящен всем значимым членам семьи:

— *А что вы помните из детства?*

— **Отец** у меня прошёл всю войну. Семь лет, с сорокового года служил на флоте. Был командором зенитным на крейсере сначала в Мурманске всю войну, а потом перебросили на войну с Японией в сорок пятом году в августе. Отец у меня фронтовик был. Вот. А **мама**... Она работала, она его на семь лет моложе была, и она в годы войны работала в колхозе. Колхозы раньше были же. Вот, она работала в колхозе, а потом в 16 лет убежала с колхоза и сюда в центр. И вот здесь. Потом стала работать, потом с папой познакомилась, поженились и вот так вот. Вот. Ну, **бабушка** у меня тоже... Бабушка, она с Ярково, деревня сюда чуть ближе к Богучанам, а Пинчуга, она дальше. **Дедушка**, он... Мы купцы были, но только не такие, как сильно уж богатые, но своя лавка у них имелась. С купеческих дедушка, вот. Ну, а так... **Брат** у меня еще. Брат тоже умер. Он закончил Борское авиационно-техническое училище, был бортмехаником, на вертолетах летал. Также уже умер, болел и умер. Вот. У меня вот **дочка**. Я живу одна. **Мужа** нет. Муж умер тоже уже (Заборцева Г. А., 1951 г. р., с. Богучаны, 2017 г.).

Характерно появление местоимения *мы* в рассказе. Оно напрямую связано с темой рода: повествователь излагает перед слушателями в свернутом виде свою генеалогию, см.: [Сперанская, 2009; Сперанская, 2010]. Большинство генеалогических рассказов охватывает три поколения: родители родителей, родители рассказчика и сам рассказчик. В приведенном примере упомянуты четыре поколения, так как говорящий добавляет ещё одно родовое колено — своих детей (рассказчик как родитель). В зрелом

возрасте у информанта в нарративе могло появиться и пятое поколение — внуки (дети, ставшие родителями).

Иногда рассказчик разворачивает микрогенеалогическую реплику, а не рассказ: родители и их дети, то есть сам рассказчик. Например:

— *Ой, у нас мать отличная, молодец. Она у нас никогда не пьющая, отец тоже, только выпивал по большим праздникам или на свадьбах, а мама вообще никогда не пила. Мама у нас такая скромница и молилась сильно Богу, ну вот Бог здоровья всё равно не дал почему-то. А говорят: «Кого Бог любит, он больше обижает тех людей!». Я так слышала. Отец у нас был строгий, а мама нормальная была женщина, очень, очень! **Нас было четверо детей: один сын и три девочки у нас было. И вот одна я осталась, а все умерли, самая младшая осталась** (Зайцева Л. В., 1937 г. р., п. Мотыгино, 2016 г.).*

Особенность реплик-вставок о родителях заключается в том, что они представляют собой небольшой по объёму отрезок речи, содержащий важную для говорящего информацию. Реплики концентрируют в себе очень значимые для рассказчика факты, которые можно назвать фактами-маркерами. Например, в беседе о путешествиях информанта в те времена, когда «был Советский Союз», появляется маркер «папа-фронтовик»:

— *А у родителей, наверное, было сложнее с путешествиями, да?*

— *Ну, родители нет. Они наоборот. **Папа фронтовик был. Он орденосец у меня. Орден Красного Знамени у него был, у него три ордена Славы было военных. Вот. У него много наград было очень.** <...> А так вот родители, конечно. Но всё равно путёвки выделялись на курорты, и они ездили. И просто так <без путёвок> ездили* (Заборцева Г. А. 1951 г. р., с. Богучаны, 2017 г.).

6. Выводы

На основе анализа материала можно прийти к выводу, что в нарративах ангарцев присутствует особый композиционный прием — реплики-вставки, которые с некоторой долей метафоричности можно назвать «монтажными репликами». По сути они являются свернутыми темами (микротемами). Реплики невелики по объёму, информация в них концентрирована. Появление таких речевых конструкций обусловлено большой значимостью обозначаемого ими содержания для рассказчика. Поскольку структура нарратива относительно произвольна, вставные реплики появляются в том месте нарратива, которое кажется говорящему уместным. Наличие подобных микротематических вставок позволяет сделать предположение, что информант, рассказывая об одном событии или периоде

своей жизни, одновременно подразумевает общую картину повествования. Появление вставных реплик диктуется не логикой и темой беседы, а метакоммуникативной задачей говорящего. Рассказчик как будто выполняет обязательное маркирование главных этапов жизненного цикла человека: рождение — проживание — смерть. Как показало исследование, очень частотны в нарративах ангарцев монтажные реплики-вставки, связанные с темой смерти и генеалогией семьи.

Литература

1. *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности : диссертация ... доктора филологических наук / Е. В. Иванцова. — Томск, 2002. — 395 с.
2. *Ильина Е. Н.* Диалектная языковая личность в фокусе лингвистических проблем / Е. Н. Ильина // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. — 2015. — № 2. — С. 75—79.
3. *Китайгородская М. В.* Речь москвичей : коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Русские словари, 1999. — 396 с.
4. *Кутковая Е. С.* Нарратив в исследовании идентичности / Е. С. Кутковая // Национальный психологический журнал. — 2014. — № 4 (16). — С. 23—33.
5. *Мартьянова И. А.* Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И. А. Мартьянова. — Санкт-Петербург : САГА, 2002. — 224 с.
6. *Прокофьева Е. В.* Диалектная языковая личность на Алтае : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. В. Прокофьева. — Барнаул, 2012. — 235 с.
7. *Разумова И. А.* Потаённое знание современной русской семьи : Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. — Москва : Индрик, 2001. — 375 с.
8. *Сперанская А. Н.* Семейные рассказы о переселении в Сибирь как лингвокультурологический феномен / А. Н. Сперанская // Приенисейская Сибирь как лингворегион. — Красноярск : КГПУ, 2010. — С. 349—357.
9. *Сперанская А. Н.* Языковое воплощение идеи рода в устном семейном нарративе (на примере одного рассказа красноярца) / А. Н. Сперанская // Язык и социальная действительность. — Красноярск, 2009. — С. 117—124.
10. *Троцук И. В.* Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках / И. В. Троцук // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2004. — № 6/7. — С. 56—74.
11. *Харченко В. К.* Концепты в нарративах семейного родословия / В. К. Харченко, А. А. Сафонова // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. — 2013. — № 27 (170). — Вып. 2. — С. 12—18.
12. *Харченко В. К.* Современная речь / В. К. Харченко. — Москва : Литературный институт им. А. М. Горького, 2006. — 158 с.
13. *Шалина И. В.* Уральское городское просторечие : культурные сценарии / И. В. Шалина. — Екатеринбург : Уральский университет, 2009. — 444 с.
14. *Шейгал Е. И.* Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Политическая лингвистика. — 2007. — Вып. 2/22. — С. 86—93.

15. *Электронный* текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://angara.sfu-kras.ru>.

Mounting Replicas in Stories of Angara Area Residents as Compositional Feature of Oral Narrative¹

© *Speranskaya Alevtina Nikolayevna* (2018), orcid.org/0000-0002-0712-1337, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia), alsperanskaya@yandex.ru.

Compositional technique, which is regularly found in the oral stories (narratives) of natives and residents of areas of the Angara river, — insert replicas, which are essentially collapsed themes (micro-themes) are considered for the first time. It is noted that insert have a complete composition. It is argued that the appearance of such speech structures is determined by the high importance of designated content for the narrator. The author defines the structure of the narrative as a relatively arbitrary: inset replicas appear in the place of the narrative, which seems appropriate to the speaker. The presence of such micro-thematic inserts allowed the author to assume that the informant, telling about one event or period of his / her life, at the same time implies a general picture of the narrative, that is, correlates the content of the replica with a holistic view of himself in the opposition “part — whole”. For example, as it was shown by the analysis of the collected material, the appearance of insert remarks about the death of relatives (a kind of folded “texts of death”) is dictated not by the logic and the topic of conversation, but by the meta-communicative task of the speaker. The narrator seems to perform mandatory labeling of the main stages of the human life cycle: birth — living — death. The author calls the content of such replicas micro-genealogy, as they are a brief mention of all the family members.

Key words: narrative; Angara dictionary; insert replicas; oral narrative; genealogy.

References

- Elektronnyy tekstovyy korpus lingvokultury Severnogo Priangarya*. Available at: <http://angara.sfu-kras.ru>. (In Russ.).
- Ilyina, E. N. 2015. Dialektnaya yazykovaya lichnost' v fokuse lingvisticheskikh problem. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiiye nauki*, 2: 75—79. (In Russ.).
- Ivantsova, E. V. 2002. *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti: dissertatsiya... doktora filologicheskikh nauk*. Tomsk. (In Russ.).
- Kharchenko, V. K. 2006. *Sovremennaya rech*. Moskva: Literaturnyy institut im. A. M. Gorkogo. (In Russ.).

¹ The study is financially supported by Russian Foundation for Basic Research, Government of Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk Regional Fund of Support for Scientific and Technical Activities within the framework of the scientific project No. 17-14-24008.

- Kharchenko, V. K., Safonova, A. A. 2013. Kontsepty v narrativakh semeynogo rodosloviya. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*, 27/2: 12—18 (In Russ.).
- Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. 1999. *Rech moskvicey: kommunikativno-kulturologicheskiy aspekt*. Moskva: Russkiye slovari. (In Russ.).
- Kutkovaya, E. S. 2014. Narrativ v issledovanii identichnosti. *Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal*, 4 (16): 23—33. (In Russ.).
- Martyanova, I. A. 2002. *Kinovek russkogo teksta: paradoks literaturnoy kinematografichnosti*. Sankt-Peterburg: SAGA. (In Russ.).
- Prokofyeva, E. V. 2012. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' na Altaye: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Barnaul. (In Russ.).
- Razumova, I. A. 2001. *Potayennoye znaniye sovremennoy russkoy semyi: Byt. Folklor. Istoriya*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Shalina, I. V. 2009. *Uralskoye gorodskoye prostorechiye: kulturnyye stsenarii*. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. (In Russ.).
- Sheygal, E. I. 2007. Mnogolikiy narrative. *Politicheskaya lingvistika*, 2/22: 86—93. (In Russ.).
- Speranskaya, A. N. 2009. Yazykovoye voploshcheniye idei roda v ustnom semeynom narrative (na primere odnogo rasskaza krasnoyartsa). In: *Yazyk i sotsialnaya deystvitelnost'*. Krasnoyarsk: KGPU. (In Russ.).
- Speranskaya, A. N. 2010. Semeynyye rasskazy o pereselenii v Sibir' kak lingvokulturologicheskiy fenomen. In: *Prieniseyskaya Sibir' kak lingvoregion*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Trotsuk, I. V. 2004. Narrativ kak mezhdistsiplinarnyy metodologicheskiy konstrukt v sovremennykh sotsialnykh naukakh. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya*, 6/7: 56—74. (In Russ.).